

Из частной жизни фронтовиков: переписка с женами в годы Великой Отечественной войны*

Ирина Геннадьевна Тажидинова

Кубанский государственный университет, Россия
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. Новый взгляд на историю войны тесно связан с возвращением ей «человеческого измерения», а значит с исследованием приватной культуры, повседневных практик советского человека в военные годы. Решение такого рода задач зависит, в большой степени, от привлечения и анализа эпистолярных источников. В статье рассматривается характер и содержание письменного общения фронтовиков с женами. Делаются выводы об основных проблемах их взаимоотношений в условиях военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; семейная переписка; фронтовики; жены фронтовиков; тыловая и фронтовая повседневность; финансовая поддержка; супружеская верность.

УДК 94

Печально, но факт: почти семьдесят лет спустя после войны такой ценный исторический источник как семейная переписка фронтовиков остается практически неразработанным и неоправданно редко используется в исследованиях. Публикации частной переписки комбатантов Великой Отечественной войны, увидевшие свет в советское время, фрагментарны и избирательны, преимущественно, исходя из критериев идеологической чистоты и тематической однородности. Вводя в оборот незначительную часть подобной корреспонденции, они сузили представление о письменном общении фронтовиков с членами их семей до «клише», формата, недалеко ушедшего от официальных документов. Только в последние годы пришло понимание, насколько содержательны иные типы писем, полные бытовых подробностей и эмоциональных переживаний, позволяющие реконструировать историю повседневности, личных взаимоотношений советских людей в военные годы [1]. Возникла возможность публиковать такие письма без купюр, без опасения вынести на обсуждение нежелательную, неважную («мелкую») тему [2].

В процессе освоения ранее невостребованного (или недоступного) материала выяснилось, в том числе, что частная переписка времен Великой Отечественной войны способна пролить свет на тот до сих пор остающийся в тени вопрос, чем жили и как жили миллионы женщин, чей статус, положение, жизненная ситуация заключены в формуле – «жены фронтовиков». Долгие годы эти женщины представляли интерес для отечественной исторической науки лишь с точки зрения того, каким образом они заменили у станка и в поле ушедших воевать мужчин. И доброй традицией было подчеркивать равенство тягот, выпавших в годы войны на долю фронта и тыла. Но насколько возможно (и нужно) подводить тяготы и самопожертвование фронтовиков и их жен под общий знаменатель «военного времени» – этими вопросами не задавались. А то, как, в действительности, протекала повседневность этих женщин, какие стратегии применялись ими для решения многочисленных социальных и психологических проблем – эти темы, как правило, оставались за пределами исследований. Равным образом, до сих пор недостаточно исследованы многие аспекты повседневности комбатантов Великой Отечественной, их психологии и мировосприятия.

Ситуация мужчины была ясной. Если позволяли возраст и здоровье, он должен был служить, выполнять свой моральный долг перед Родиной. Проблема долга перед семьей рассматривалась в этом контексте, т.е. отступала на второй план. О решении в пользу ухода на фронт (а для многих это было именно собственное, выстраданное решение) женам писали, случалось, уже «с дороги». Иногда называли его «преступлением перед семьей» [3]. Особенно винули перед беременными женами и теми, которые оставались с несколькими детьми на руках. И.Д. Гольдфедер, в первые дни

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 12-01-00127а «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.)».

войны ушедший добровольцем в народное ополчение, обращался к жене: «Прости меня, милая деточка, что в такую тяжелую минуту оставил тебя одну, но я иначе не мог. Я хочу свой долг выполнить до конца. Я тешу себя мыслью, что ты родишь здорового ребенка» [4]. Артиллерист Г.О. Литяйкин писал жене и родственникам: «Сильно не плачьте, что будет. Детей не бросайте, их надо растить, хотя их и много, но ничего не поделаешь» [5].

Перекладывая груз ответственности за дом и детей на жен, мужчины взывали к их самостоятельности. Рядовые и офицеры предлагали женам «до конца войны вычеркнуть [их] из актива своего жизненного баланса» [6], не теряться, быть решительными. «Действуй и поступай так, как требует жизнь. Мое мнение в настоящих условиях не должно быть решающим, т.к. я все-таки такая личность, которая сегодня живет, а завтра ее может не быть» (из письма политрука роты Д.А. Абаева) [7].

Размышляя над тем, сколько трудностей выпало женам, мужчины обещали в послевоенном будущем компенсировать их усилия. Мотив «свидимся, отплачу сторицей» присутствует во множестве писем с фронта, адресованных женам: «Если вернусь жив и здоров – отдохнешь» (из письма А.И. Тыкина); «После войны тогда я создам для тебя хорошие условия» (из письма В.И. Болотина) [8].

С учетом того, насколько минимальны были ресурсы большинства семей в Советском Союзе, уход на фронт фактически означал, что самые близкие люди оставались на произвол судьбы. Не все мужчины отдавали себе в этом отчет, вернее, гнали от себя подобные мысли по той простой причине, что в сложившихся обстоятельствах бессильны были что-либо изменить. Кроме того, они надеялись на заботу государства, которое с началом войны представило себя основным защитником семей фронтовиков, отвечающим за решение их материальных и бытовых нужд.

Помощь фронтовиков семьям заключалась, прежде всего, в высылке денег (аттестаты), а также справок, которые должны были обеспечить членам их семей льготы, пособия и пр. Однако, поскольку жены жаловались на пренебрежение местных органов власти их нуждами, то фронтовикам приходилось вмешиваться в решение конкретных вопросов, будь то незаконное вселение в их квартиру, проблема снабжения топливом и др. Мужчины просили, угрожали, настаивали, разрешали бюрократические проволочки. «Я нахожусь на передовой линии каждую минуту в опасности жертвую свою жизнь, а моя семья не будет обеспечена этого быть не может», – таков основной лейтмотив писем военнослужащих, которые они вынуждены были отправлять «во власть», параллельно дублируя их содержание женам [9].

Что касается финансовой помощи, то наблюдалась поляризация военнослужащих по возможностям ее оказывать. В наилучшем положении находился командный состав, получавший приличное денежное содержание, а также те, кому удавалось проворачивать коммерческие операции. К последним относился, в частности, замкомандира минометной роты запасного стрелкового полка А.П. Поповиченко, который перевел жене в течение второй половины 1942 г. семь тысяч рублей (доход от продажи личных вещей, спекуляцией обмундированием и спиртным). Примечательно, что жена Поповиченко и после получения этих денег продолжала жаловаться на нехватку средств даже на еду, хотя явно, положение большинства семей фронтовиков было более плачевным [10]. Так, у рядовых возможности помощи были мизерны, и родные, как бы ни нуждались, опереться на нее не могли. В 1943 г. М.Б. Ваил писал жене: «Я получаю жалованье не как кадровый, а как приписной состав и мой оклад равен 73 руб. в месяц и то с января месяца, а до этого получал 20 руб. Может быть, я в дальнейшем буду получать больше, то я тебе вышлю столько, сколько смогу...» [11].

Некоторые самоотверженные женщины вовсе отказывались от финансовой помощи мужей, полагая, что положение фронтовиков хуже их собственного. Жена старшего лейтенанта П.Н. Грошева, работавшая учительницей в мордовском селе и воспитывавшая троих детей, отвергала те суммы (порядка 350 руб.), которые слал ей муж. «Если можно что-то съедобное купить, то на деньги покупай и ешь, мы не на фронте, как-нибудь проживем. Нам тепло и уютно» [12].

От трагического восприятия материально-бытовых проблем советских людей «хранили» неприязнительность и высокая сознательность. Настоящий образец последней – письмо А.А. Шипикина, адресованное жене и матери двоих его детей в деревню в Горьковской области. «Дуся, я вам сообщаю, что мне сейчас присвоили звание старшего сержанта и за май месяц получу уже зарплату 125 руб. Дуся, я подписался на заем на 100 руб., и вы пишете, что подписались с отцом на 300 руб. Это очень хорошо вы сделали. Этот займ нам поможет быстрее победить гитлеровских оккупантов. Дуся, я узнал из ваших писем, что забрали всех и бракованных, ну ничего не поделаешь, необходимо всем выполнять приказ товарища Сталина.

Дуся, передай привет нашему правлению, чтобы крепили дисциплину в колхозе, а вы, Дуся, будьте активной колхозницей, стахановкой, чтобы, когда я пришел домой, то бы вам было чем гордиться, а я буду добиваться, чтобы оправдать звание члена партии» [13].

Уплата налогов, подписка на займы, партвзносы – участие в этих предприятиях, как правило, супругами не обсуждалось даже при самом скудном бюджете. «Я тебе выписал аттестат на 850 руб., ты должна получать, а налоги, которые положено тебе платить, плати в первую очередь и не затягивай. Ведь я тоже государству помогаю, потому что это необходимо в данный момент» (из письма старшего лейтенанта С.И. Страхова); «Таня, Вы, может, осерчали, что я Вам денег уже давно не присылал, так я денег внес на строительство танковой колон[ны] 700 руб. и послал Вам аттестат» (из письма рядового Г.А. Ковшарева) [14]. Редко можно встретить робкое сетование по поводу того, что семья недополучит помощи от своего главы из-за постоянных «побочных» расходов. Так, Ф.С. Ременник сухо предупреждал родных, находящихся в эвакуации: «Вам будет труднее, тем более что сумма аттестата уменьшена на сумму займа» [15].

Чаще всего фронтовики брали вину за тяжелое положение семьи исключительно на себя, и, безусловно, терзались этим. В октябре 1941 г. в преддверии возможной смерти сержант И.Н. Исаев вину перед «дорогим семейством» (жена и четверо детей, проживавшие в Горьковской области) в том, что оставил их «ни с чем». Горевал: «Как вы будете жить, не знай, без хлеба, без топки, ни одежды с обувкой, а скоро зима будет». Поэтому и от посылок с сухарями отказывался: «Вы сами голодные» [16].

Семья лейтенанта В.В. Крылова, находившаяся в Московской области, в это же время испытывала сходные проблемы. И хотя информация преподносилась женой в щадящем режиме, но повода для оптимизма не оставляла: «Папусенька!!! Прихожу домой и вижу твое письмо с карточками, так мы все обрадовались. Мы пока что имеем возможность видеть тебя хоть на карточке целого и невредимого, а многие уж этого лишены навеки. Сколько было бы радости, если бы ты возвратился домой, с меня свалилась бы целая гора забот. Ведь мне не с чем встречать зиму, картошки только 1 мешок, дров нет, а также и обуви, можно сказать, разуты все. Хорошо, что пока держится хоть летняя погода, хотя уже и октябрь наступил. Я вчера опять была в Синькове, принесли два кочна капусты (кило 4–5) и кило 3 картошки, опять набрала на кашу пшеничных колосков. Мне бы оч[ень] хотелось сэкономить немного рису для детей и манной, но ничего пока не получается» [17].

Видимо, под впечатлением от таких же писем из дома рядовой Л.П. Рыбаков написал: «Валя, я лишь сейчас молю одного, как бы скорее бой, погибнуть за родину или же поранят. Если погибну, страна вас не забудет». «Последняя просьба» к родителям состояла в том, чтобы не выгоняли из дому жену и дочь, отдали им его носильные вещи [18].

Какого же настроения хотели от своих жен фронтовики? Об этом свидетельствуют распространенные напутствия им: «Обо мне не беспокойся, но не забывай» (из письма рядового А.В. Жужгина); «Тосковать не надо, питай надежду...» (из письма лейтенанта А.Ф. Колосова) [19]. Приемы, как успокоить супругу насчет своего положения, отличались своеобразием. К примеру, М.Н. Митрохин неоднократно повторял жене, что раз не прибегает к вредной привычке, то значит все у него благополучно. «Ты знай, что мне очень хорошо, я еще не курю и не думаю курить» [20]. Г.П. Сенников, в первые дни войны назначенный на место писаря батареи, сообщал жене, что положение его «против других легче и безопаснее». Некоторые откровения, крайне нехарактерные для писем военнослужащих Красной армии, скорее всего, предназначались для ее спокойствия: «Писарь где-нибудь может замаскироваться и отсидеться в страшные минуты. Да вряд ли можно будет отсидеться, но тем не менее опасных моментов будет меньше» [21]. Комбатанты, главным образом, уповали на собственную осторожность («на рожон лезть не буду»), фортуны, счастливую звезду.

Немногие решались напрямую поднять вопрос о том, как устроит свою жизнь жена, если муж погибнет на фронте. Были те, кто великодушно предоставлял женщине право распорядиться своей судьбой. Так поступил, в частности, В.В. Сырцылин, написавший в первом же письме из народного ополчения, куда ушел добровольцем: «Я даю тебе полную волю в случае моей гибели устроить свою судьбу, жизнь так, как тебе захочется, только люби и береги Ольгу, а обо мне можешь и не вспоминать, чтобы не омрачать» [22].

Можно предположить, что на такое письмо мужчина ожидал получить ответ – заверения в преданности, что обычно и происходило. В то же время, встречаются такие послания военнослужащих, в которых «вечная верность» предписывается женам, независимо от их соображений на этот счет. Так, К.И. Храмов, озабоченный тем, что маленький сын в случае его гибели даже не сможет вспомнить отца, писал жене: «Я бы не желал, моя милая Танечка, чтобы

наш сын имел другого папу при всяком случае. Ты меня, друг, понимаешь. Думаю, ты мою просьбу исполнишь» [23].

Некоторые женщины, сильно тоскуя, задумывали поездки к мужьям. Такие идеи воспринимались фронтовиками без энтузиазма, т.к. они реально представляли себе трудности пути и встречи. Когда ленинградец М.Н. Митрохин, в июле 1941 г. призванный служить на финскую границу, узнал, что жена наметила их свидание в Выборге, то выразил ей свое удивление и беспокойство, а, в конечном итоге, предложил выбросить эту идею из головы. «Сашенька, что с тобой. <...> Что ты думаешь сделать этим положением не исправишь, а только будет хуже, я, во-первых, тебя все равно не увижу и ты меня тоже, и не будем знать где ты где я, а это еще хуже будет...» [24]. Лейтенант А.Ф. Колосов, находившийся на учебе в Боровичах, высказывался по тому же поводу: «Поверь, Зина, что очень желал бы повидаться с тобой, но мне просто жалко тебя, что тебе вот именно приходится рваться на все стороны и что ты измучаешь себя до последнего, а еще ты нужна для детей. Вот из этих соображений и пишу, Зина, что ездить не следует» [25].

Мужчины обычно были убедительны, что заставляло женщин отказываться от рискованных идей, по большому счету, не лишенных романтики и многое говоривших об их чувствах. Хотя, по словам генерал-майора П.Л. Печерицы, жены военнослужащих нередко добивались до переднего края на свидания с мужьями [26], все-таки во множестве случаев удавалось отговорить их от опасного предприятия, либо пробившихся на передовую женщин перехватывали и под конвоем отправляли в тылы.

Мечты об отпусках бередили обе стороны, но реальностью становились редко. Капитан И.С. Горохов предпочитал отвлеченные размышления на эту тему: «Среди нашего брата смакуются слухи об отпусках. Я очень осторожно воспринимаю правдивость этих слухов, но как-то инстинктивно начинаю чаще бриться, тщательно причесывать лысину и чистить костюм своей офицерский» [27]. С отпусками, что называется, «мариновали» (не отказывали в просьбе, но и не удовлетворяли ее в течение длительного времени), так что фронтовики склонялись сами отказаться от этой мысли. «...А если нет, то черт с ним, будем тогда биться до Победы. Будем живы – встретимся, а нет – так нет» [28]. Большинству было присуще глубокое чувство долга, а значит, отъезд из действующей армии без особой на то причины даже на несколько дней представлялся им невозможным.

Для женщин тема отпусков была чрезвычайно болезненной. Вооруженные информацией о том, что тот или иной родственник (сосед, знакомый) прибыл в отпуск, они начинали давить на мужей. Но получали твердый отпор. «Зина, ты в каждом письме пишешь мне, чтобы я приезжал домой хоть на два дня. Эх, Зина, неужели я против этого, мне-то, думаешь, не хочется повидаться с вами, с великим бы удовольствием посмотрел на детей, побыл бы с тобой, но кто же отпустит меня, конечно, не отпустят, ты пишешь, что много знаешь случаев, что отпускали кого-то. Это, Зина, исключение, а сколько случаев я знаю, что не отпускали, так очень много» (из письма А.Ф. Колосова) [29]. На ту же тему беседовал с женой политрук Абаев, развенчивая ее историю о подруге, уже несколько раз встречавшейся с мужем в Москве и трижды – дома. «Такие вещи возможны только при службе в тылах, да и то незаконно, а нам в действующих частях мечтать об этих вещах не приходится. В нашей среде есть командиры, а в особенности бойцы, у коих дома 20–25 км от передовой, а попасть туда не имеют возможности». Однажды, уже в 1944 г., поддался на уговоры, о чем пожалел, т.к. «получил упрек “не решил ли я, что война уже закончилась”» [30].

Кроме проблем выживания, война ставила перед женами комбатантов этические дилеммы. Темы супружеской верности или отношения жены к возможной инвалидности мужа время от времени, в профилактических целях, поднимали советские газеты. Присутствуют они и в письмах с фронта. Что касается ранений и инвалидности, то женщины, в большинстве своем, заверяли мужей в готовности принять их «любыми». Жена П.Н. Грошева выразила распространенное среди женского населения настроение: «...Как я завидую возвратившимся с фронта. Хоть с одной рукой, с одной ногой, но с головой на плечах и с лицом, с которым можно и поговорить, и женам что-то подсказать. Усадьбы свои раньше всех вспахали, посадили, дома выглядят хорошо, сами ходят нарядные, потому что сердца у них спокойные. Хоть бы и ты пришел, хоть раненый, но живой» [31]. «Свою душу, свое тело, хоть израненное, ты должен принести мне. Это все, чего я хочу» – писала жена А.П. Поповиченко [32].

Тема супружеской верности фигурировала в переживаниях обеих сторон. Те, кто не решался затронуть ее напрямую, использовали уловки. Капитан Горохов, к примеру, пытал жену: «Сообщи мне, кто из солдаток крутит хвостом, пользуясь отсутствием мужа. Я хоть про себя их поругаю, сукиных дочерей» [33]. Здесь очевиден намек, что поведение жены находится под контролем.

В среде фронтовиков сильны были представления о том, что «все жены изменницы», и отголоски этих разговоров проникали в письма домой, обижали женщин, вынуждали их оправдываться. Жена Поповиченко, к примеру, устало объясняла мужу, что постоянная борьба за жизнь (свою и детей) никак не совместима с изменами [34]. Со своей стороны, женщины, в основном, высказывали доверие. «Никакие разговоры о фронтовой неразборчивости не могут поколебать во мне веру в тебя, в то, что плохого ты не сделаешь...» (из письма жительницы Тамбова Н.В. Осиновской) [35].

Война, несомненно, испытывала на прочность отношения многих семейных пар. Длительный разрыв семейных уз, связанный с ней, в отдельных случаях провоцировал пересмотр мужчиной своего семейного положения (разумеется, таким же образом могла поступить и женщина). С другой стороны, немало случаев, когда война, напротив, помогла разобраться в чувствах. Пример снайпера Ю.И. Шабельского – из этого числа. «Я, Маруся, только вот здесь, находясь на фронте, понял, как вы мне дороги, как много думаю о вас, беспокоюсь, как это раньше я не замечал в себе. Ну, ничего, родная, буду жив, вернусь домой, постараюсь доказать тебе на факте свою преданность и любовь к тебе и дочке, и надеюсь, что ты не упрекнешь меня в плохих моих к тебе отношениях и постараюсь так нашу жизнь сделать, чтобы она была радостна и счастлива» [36]. Как проявление нежности в письма вкладывали цветы, копировали стихи. Фотографии жен брали с собой в бой, так как существовало поверье, что «любовь хранит».

Переписка выполняла, прежде всего, функцию моральной, эмоциональной поддержки. Со своей стороны, жены проявляли сочувствие и старались ободрить воюющих. Вероятно, в ответ на одно из таких страдающих писем, лейтенант П.Н. Грошев писал: «...Леличка, я тебе очень верю, что, если бы ты могла, ты бы меня спасла, но вам меня не спасти». Даже не крик, а стон души – это письмо жены Грошева, которое адресата в живых уже не застало: «...Да, милоч, пока я считаю себя и свою семью счастливыми тем, что как ни трудно, как ни мучаешься, а все же жив. Спасибо за то, что за короткий промежуток времени вы убили столько много фашистов... Но, а если еще жив и получишь мое письмо, то поверь, что очень жаль мне тебя не только как мужа, как дочь отца и мать сына, т.к. я уже с тобой прожила много и к характеру неплохо привыкла. Во-вторых, Петя, я жалею себя. Без тебя я с этой семьей тоже пропащая. Когда задумаешься глубоко о минувшей жизни и о дальнейшей, то честное слово, терпенья не хватает, спрашивается, а будет ли для меня жизнь? Нет... И, в-третьих, думаю в отношении моих детей. Зачем я столько народила, зачем несчастных на свет пустила? Они меня впредь будут проклинать лишь потому, что я их обеспечивать всем необходимым не в состоянии» [37].

Лишения военного времени были огромны, и многим женщинам зачастую не хватало физических и моральных сил безропотно переносить их. В этих случаях на мужчин, находившихся на фронте, обрушивалась информация о бедственном положении семей, хроническом недоедании детей, недостатке теплой одежды. Нормой были письма, в которых женщины жаловались на усталость, плохое настроение, грусть, отсутствие сил бороться с проблемами. В подобных ситуациях фронтовики брали функцию моральной поддержки на себя. Пытаясь преодолеть уныние женщин («меланхолию», «малодушное состояние»), уповали на общее тяжелое положение, и даже описывали жуткую реальность войны, свидетелями которой были лично.

Таким образом, груз ответственности за семью во многом переместился на плечи женщины, которая, как известно из обобщающих и специальных исследований, в годы Великой Отечественной войны проявляла мужество, отвагу и героизм в борьбе с врагом «наравне с мужчинами», но также намного чаще теперь принимала самостоятельные, порой судьбоносные решения. Последние касались широкого круга вопросов: ведения хозяйства, переезда семьи, смены работы, обучения детей. Мужчины, напротив, все сильнее ощущали свою оторванность от хозяйства и воспитания детей. Судя по переписке, в отдельных случаях им с большим усилием удавалось поддерживать бытовые темы, проявлять интерес к материальным аспектам жизни семьи. Вернувшись с фронта, они, очевидно, столкнулись с серьезными переменами, порожденными эмансипационными тенденциями военного времени.

Примечания:

1. См. об этом: Бульгина Т.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополь: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 530-551; Козлов В.П. Фронтовые письма 1941-1945 гг. как молитвы. К 65-летию Победы // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 24-47; Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г. Письма военного времени в Архивном фонде Российской Федерации // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 87-

- 96; Сомов В.А. Письма фронтовиков о жизни военного времени // Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М., 2005. С. 917-921; и др.
2. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов. Краснодар, 2010; Письма из войны: сб. документов. Саранск, 2010; «Сохрани мои письма...»: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007; «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.). Нижний Новгород, 2010; и др.
 3. Герои терпения... С. 82.
 4. Сохрани мои письма... С. 56.
 5. Письма из войны... С. 229.
 6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 70б.
 7. Там же. Д. 1454. Л. 100.
 8. Сохрани мои письма... С. 56; РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 292. Л. 18; Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.
 9. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 292. Л. 11-110б.
 10. Там же. Д. 369. Л. 140б., 18, 118.
 11. Там же. Д. 360. Л. 170б.
 12. Письма из войны... С. 399.
 13. «Я пока жив...» С. 274.
 14. Там же. С. 227, 96.
 15. Архив Научно-просветительского центра «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 177. Л. 14.
 16. «Я пока жив...». С. 86.
 17. Там же. С. 155.
 18. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 110. Л. 1, 2.
 19. «Я пока жив...» С. 71, 113.
 20. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 150. Л. 50б., 22, 220б.
 21. ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 7. Д. 25. Л. 790б., 62-620б.
 22. Герои терпения... С. 83.
 23. Общество и власть. Российская провинция... С. 946.
 24. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 150. Л. 5.
 25. «Я пока жив...» С. 117.
 26. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1773. Оп. 1. Д. 8. Л. 5-6.
 27. ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 15.
 28. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1393. Л. 90б.
 29. «Я пока жив...» С. 114.
 30. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 610б., 98.
 31. Письма из войны... С. 394.
 32. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 1250б.
 33. ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 7.
 34. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 124, 1250б.
 35. Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНМО»): Сб. док. Тамбов, 2005. С. 271.
 36. «Я пока жив...» С. 258.
 37. Письма из войны... С. 396, 399.

Frontline Soldiers' Private Lives: Correspondence with Wives during the Great Patriotic War

Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russia
PhD (History), Associate Professor
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract. New outlook on the history of war is closely connected with the return of “the human perspective” to it, consequently with the study of private culture, everyday life of a Soviet man in wartime. Solving of such problems chiefly depends on the involvement and analysis of epistolary sources. The article studies the character and content of frontline soldiers' correspondence with wives, draws a conclusion, concerning major problems of their relations in wartime.

Keywords: the Great Patriotic War of 1941–1945; family correspondence; frontline soldiers; frontline soldiers' wives; rear and frontline everyday life; financial support; conjugal fidelity.

UDC 94